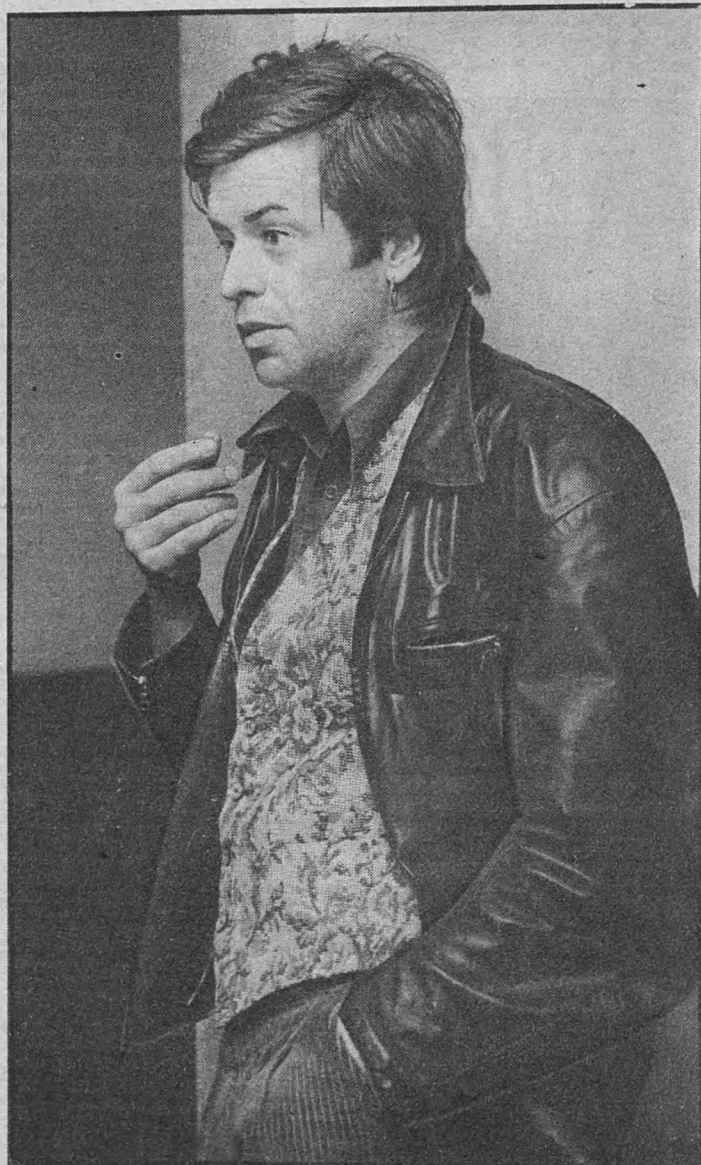

Вопросы-
знаменитостиБорис
Гребенщиков:«Я очень благодарен
нашей Системе...»

● Человека, сидящего напротив меня, судьба и была, и возносила. Еще не столь давно его официальная репутация подпадала под печально известную статью 58, а неофициальная заставляла думать о пришествии нового мессии. Время гласности открыло ему широкую дорогу, но лишило ореола. Теперь на его концертах намного меньше милиции, но намного больше думающих слушателей. Ушли поклонники-фанаты, остались сочувствующие его искусству и со-участующие. Его песни на глазах превратились в историю эпохи, к которым как к свидетельствам будут обращаться люди последующих поколений. А это значит, что творчество Бориса Гребенщикова следует оценивать не сиюминутными эстрадными мерками, а с точки зрения Времени...

— Гребенщиков-90 и, скажем, Гребенщиков-80 — это очень разные люди!

— Да, разницы в них хватает... Гребенщиков-90 и Гребенщиков-65 похожи куда больше...

— Вы провоцируете следующий вопрос: люди в старости становятся похожими на детей. Так что же, к вам пришла «старость»? Усталость? Завершился цикл?

— Скорее всего, виток спирали... Иногда я ловлю себя на счастливом ощущении, что вновь ко мне возвращается радость двенадцатилетнего пациента, только начинающего через рок-н-ролл входить в искусство. Последние 10 лет мы были рок-группой в этой стране и лишь сейчас начинаем расслабляться и становиться совсем натуральными. Возвращение к началу, к корням, к настоящему...

— Вы помните свою первую песню?

— Конечно. Хотя как давно это было — 1972 год...

— Не пытаетесь ее исполнить в концертах?

— Нет. Мысли в ней были хорошие, но все остальное — на довольно-таки топорном уровне.

— Аббревиатура БГ когда появилась?

— Давно, еще в семидесятых. Борис Гребенщиков — и звучит тягуче и расписывается долго. БГ — так проще...

— Борис, а почему, на ваш взгляд, «Аквариум» так долго «били»? Ведь по сравнению с другими рок-группами вы были и более «тихими», и более абстрактными...

— Кто-то мне недавно доказывал, что Иосифа Бродского травил не за то, что он был революционер по сути, а за то, что у него была другая поэтическая форма. И эта форма настолько не соответствовала нашей действительности, что становилось понятно: поэт Бродский гораздо страшнее любого диссидента... Вот и у нас всегда была другая форма... Мы стремились быть нормальными людьми...

— В связи с этим хочу задать вам вопрос, который давно интересовал. Меня в свое время поразили слова одной из ваших песен:

Дайте мне тон, дайте мне

ход,

Дайте мне спеть эти пять

нелогичных нот,

И тогда меня можно будет

брать руками...

Как же так, думал я, лидер «андерграунда» и обращается к «власти» с таким призывом: не трогайте нас!!

— А вы вспомните время создания этой песни... 1983 год... В той ситуации с нашей стороны было вполне логично обратиться к «властям» (разумеется, только на таком — метафизическом — уровне): мы вам вреда приносить не собираемся. Я говорил как бы: да, меня можно «брать руками», только неизвестно, что из этого выйдет...

Как видите, все повернулось само собой: и руками нас не взяли, а мы остались, какими были.

— А что позволяло вам «держать удар»? Насколько я знаю, судьба ваша долгое время складывалась отнюдь не гладко!

— А я никогда никому не противостоял... Какой толк опускаться до драки на таком уровне? Ну, выгнали меня из комсомола, так он мне изначально был не нужен: меня записали туда вместе со всеми в школе, потому что тогда было положено... Ну, прогнали меня с работы, так мне она была совсем неинтересна. Да простят меня мои учителя, но я никогда толком не мог взять интеграл. А математиком-теоретиком оказался только потому, что считал это более честным по отношению к Советской власти, чем становиться инженером. Все-таки без математикова-теоретика она преспокойно могла обойтись...

И так — во всем остальном. Ну, не хочет меня Система — и слава Богу! Я очень благодарен нашей Системе: будь она гибче, я рисковал бы стать конформистом в гораздо большей степени...

— А не будь такого тотального давления Системы, насколько существенно изменилась бы советская рок-музыка и, в частности, ваше искусство?

— Я не берусь судить обо всей нашей рок-музыке, ибо советский рок-н-ролл порожден такими условиями и неразрывно с ними связан. Вот почему, когда сняли искусственные запреты, огромное количество рокеров оказалось перед проблемой: «Что делать?» Некоторые еще по инерции пытаются «переплюнуть» Центральный Комитет, не замечая, что он сейчас куда революционнее, чем они...

Что касается меня... Знаете, я долгое время провел в Штатах и Англии и обнаружил, что чувствую себя там совершенно нормально, спокойно продолжая заниматься тем же, чем и здесь, не отвлекаясь на революционность...

— Как раз по поводу вашего пребывания на Западе мне довелось слышать злую фразу: «Гребенщиков не продавался большевикам, но быстро продался капиталистам»...

— Что имеется в виду под «продажей»? Вышедшая на Западе пластинка «Радио Тишина»? Так уверяю вас, что в ней «на продажу» не сделано ничего. Я и раньше не руководствовался законами рынка — и теперь не хочется: все-таки не сметану делаю... В этой пластинке немало ошибок, но случилось они не по вине «капитализма», а просто потому, что я столкнулся с другим уровнем техники, с иным мышлением.

— Простите, что я вторгаюсь в область сплетен, но хочется внести ясность... Говорят, что на гонорар от этого диска вы сняли виллу на берегу океана...

— У меня не только нет виллы на берегу океана, у меня даже нет до сих пор квартиры в Ленинграде. Приходите квартиру снимать, с минуты на минуту ожидая, когда тебя оттуда «попросят». Потому и живу так: частично — здесь, частично — в Лондоне.

— Еще говорят, что фирма, заключившая с вами контракт, понесла убытки от «Радио Тишина» на четыре миллиона долларов...

— Насколько я знаю, Си-Биз продано более ста тысяч дисков, и все расходы удалось покрыть. Эта пластинка принесла несколько сот тысяч долларов — советским организациям, чуть меньше — мне, несколько сот тысяч — амери-

канским партнерам... Сейчас я еду в Лондон работать над песнями для новой пластинки. Так что все стороны удовлетворены. Кроме, пожалуй, меня...

— Почему же!

— Хочется скорее делом заниматься...

— Как вы относитесь к воцарению на эстраде рыночных отношений?

— Я уже говорил, что мы никогда не руководствовались законами рынка, и то, что происходит сейчас, мне глубоко противно. То, что занимает 90 процентов времени на эстраде и телеэкране, — чудовищно, это хуже порнографии. Порнография, в конце концов, — это голые девки, если они красивые, это даже нравится. Но то, что я вижу, — это продажа души. Несравненно хуже, чем проституция, чем СПИД, чем чума... Страна, ее культура определяются во многом своей музыкой. Наша жизнь в 60-е, отчасти 70-е годы связана в моем представлении с такими меланхолическими джазовыми аккордами, как бы утверждавшими, что все равно ничего хорошего не будет, потому давайте пить водку, целоваться украдкой с чужими женами... Теперь наша жизнь определяется во многом потоком коррупции, которая валит с экрана, со сцены. Это — ужасно...

— Не потому ли вы в одном из интервью сказали, что лучшее, что можно сделать сегодня для советской эстрады, — это уничтожить ее!

— Немножко резковато выражено, но суть верна... Подавляющая часть советской эстрады основана на деньгах, только и исключительно на деньгах, без каких-либо мыслей о душе, об искусстве, о чем-то истинном, вечном... Естественно, такое нужно выкинуть. Разумеется, не физически: всех в тюрьму не посадишь (и слава Богу!), но духовно бороться необходимо — долго, упорно, стойчески...

— Это относится только к современной эстраде или к старой тоже?

— Только к современной... Все-таки в тридцатые — сороковые годы нечто оставалось... Утесов, Виноградов, не говоря

уже о Вертинском, были профессионалами в хорошем понимании этого слова. То есть людьми, не предававшими духовности.

Тот же Петр Лещенко... Забавные, милые песни... Да, это было пошловато, к «высокому искусству» отношения не имело: рядом с Леонардо да Винчи этого не поставишь... Но в тех условиях, когда сосед писал на соседа доносы по обязанности, песни Лещенко были элементом НОРМАЛЬНОЙ жизни.

К сожалению, мне редко доводилось общаться со старыми профессионалами, но есть в них что-то такое... Я слышал прелестный рассказ о том, как Вертинский ужиная в одном из ленинградских ресторанов. Давно это было, в пятидесятых, когда можно было еще встретить старых официантов, из «того времени». Один из них прислуживал Вертинскому. Так вот, спутник Вертинского, расплачиваясь, небрежно бросил «на чай» какую-то купюру. Вертинский же высчитал десять процентов, добавил их к сумме счета и аккуратно — копеечка к копеечке — положил на стол. Бедный официант долго не мог прийти в себя: ему не верилось, что еще остались люди, помнящие прежние правила хорошего тона...

Так вот, старые мастера сохранили знание этих «правил». Да, их песни были банальными, но в них сохранились элементы естественной человеческой красоты. Честь и хвала им, что не сломались, не поддались всеобщему обнищанию духа...

— После этого мой следующий вопрос выглядит даже неуместным, но все же риску его задать: как вы относитесь к «Ласковому маю»?

— Никак. Я их, по счастью, слышал мало, так, две-три песни, да и то потому, что телевизор не успевал выключить вовремя. Честно говоря, мне на них наплевать. Хотя девочкам, для которых «Ласковый май» поет и на которых делает деньги, это, может быть, и необходимо.

— А в борьбе «Комсомольской правды» с «Ласковым маем» вы на стороне газеты?

— Да они же стоят друг друга... Замечательные партнеры: «Комсомольская правда» и «Ласковый май».

— Борис, насколько соответствует действительности изложение вашей фразы в журнале «Советская эстрада и цирк»: «Я очень не люблю журналистов, но я очень люблю с ними разговаривать. Мне интересно, кто кого переиздичает? Чем она вызвана?»

— Мы разговариваем с вами уже довольно долго и, как видите, я и не собираюсь ехидничать. Зачем, вы же задаете нормальные вопросы... Наверное, стоило уточнить, что не люблю я определенную группу московских журналистов, которые стараются непременно поставить всех и вся на «свои места» и потому ведут себя просто нелепо (особенно этим славен «Московский комсомолец»).

— «Аквариум» существует уже два десятилетия. Не пора ли изменить стиль, как считают некоторые специалисты по року?

— Нет, меняться мы не собираемся. Мне это сложно описать, да, наверное, и ни к чему, но принцип работы с тембрами, нотами, со всем, что входит в понятие музыки, включая сюда и духовное наполнение, присущий «Аквариуму», полагаю, уникален, и предела тут нет никакого. Этим можно заниматься сто лет, можно — тысячу...

— Вы прошли «огонь, воду и медные трубы». Когда было труднее?

— Всегда трудно по-своему. Но — интересно... В конце концов, это и есть наша жизнь.

Беседу вел

А. ВАСИЛЬЧЕНКО.

Фото Е. Краснопольского.